

И ВСЕ ЖЕ «СОВЕТСКАЯ МАДОННА»

В Тбилиси, при содействии фирмы «Универс» прошли концерты Лаймы Вайкуле и ее ансамбля. Еще более обязательная и элегантная в жизни, чем на сцене, Лайма согласилась дать интервью для нашей газеты.

— «Советская Мадонна» — так назвала вас американская пресса во время недавних гастролов по США. Считаете ли это комплиментом?

— Понимаете, я немножко другая. Для меня главное нести что-то красивое, женственное, доброе. Мне, например, хотелось бы петь репертуар Стинга, но и Мадонну я просто не могу не признать. Она бог знает что вытворяет на сцене, ведет себя смело, несколько даже вызывающе и в то же время невульгарно.

— Популярность иногда пор-

тит людей. О вас же этого никто сказать не может...

— Знаете, в каком-то смысле я баловень судьбы. В Латвии меня знают с детства. Уже тогда пришла популярность, поэтому привыкла даже к ней. А началось все так. Мне было 12 лет, когда подруга пригласила поболеть за нее на конкурсе песни. Я в то время мечтала стать хирургом. Получилось так, что и я там спела и заняла 4-е место. С тех пор меня стали записывать на радио, начала ездить на гастроли с нашим оркестром радио и телевидения.

— Значит ли это, что вы вообще не занимались вокалом?

— Да, я просто пела, танцевала, как все в детском возрасте.

— Лайма, насколько мне известно, вы не только поете, но и выступаете в роли балетмейстера, костюмера...

— Теперь у меня уже есть замечательный балетмейстер из Ленинграда... Павлович. Он очень талантлив, у него огромный багаж движений, мне остается просто выбирать. Новая часть программы поставлена им, а старые номера — мои.

— Впервые на голубом экране вы появились несколько лет назад, в новогоднем «Огоньке», где выступали вместе с Раймондом Паулсом. Как сложились ваши творческие пути?

— С Раймондом познакомилась еще в 15-летнем возрасте. Тогда я пришла к нему в ансамбль «РЭВ». Пришлось слухавить, накинуть себе еще один год, иначе меня бы в ансамбль не взяли. Начинала с пения низких арий.

Паулс считал, что через год я должна стать солисткой. Но мне не хотелось столько ждать, и я перешла в другую группу и уехала на гастроли. Так продолжалось несколько лет. А когда вернулась, меня пригласили работать в ночной бар. Там все было прекрасно. Хороший звук. Американская музыка, кордебалет, который я сама набирала. Все это мне очень нравилось. А потом повзрослела, пришли другие интересы и вернулась к Раймонду. Он «дал» мне песни. Кажется, что это было вчера. Впрочем, не так уж и давно.

— Как получилось, что столько лет не возникало желания петь на большой сцене?

— Мне казалось, что все настоящее было тогда именно там, в ресторане. На сцене была какая-то фальшь. Эти худсоветы, которые регулировали, что петь, что нет, которые не давали проявить свою индивидуальность, считали, что двигаться на сцене вообще неприлично. Надо было выходить обязательно в длин-

ном платье, поднять руку и петь, стоя на месте.

Для меня тогда это было неприемлемо, терпеть не могу фальши, лицемерия, которые нас окружали. По-моему, самое главное в жизни — быть самой собой. Только тогда тебе верят. Поэтому предпочитала ресторан. Вы, наверное, удивитесь, но тогда многие талантливые музыканты выступали в основном в подобных заведениях. Сейчас время изменилось. Если бы не это, меня никогда не выпустили бы на сцену, не сняли на телевидении. Я была невыездной, меня даже в соцстраны не выпускали, по каким-то непонятным причинам.

— Что на вас как на женщину произвело самое яркое впечатление в Америке?

— Люди, именно люди. Их отношения друг к другу, потрясающий такт, приветливость, доброжелательность, уважение. Если счастье — это мгновения, то они делают все для того, чтобы вся жизнь их состояла из этих мгновений.

— А что нового открыли для себя, как для певицы?

— Я поняла, что совершенствованию нет предела вообще, и чем ты дальше идешь, тем больше понимаешь, что ты так далек от этого.

— Приходилось ли вам в жизни сталкиваться с предательством?

— Да. Такое бывало. Причем, совершенно неожиданно. Но я всегда себя чувствовала сильнее. Подобные вещи не выбивали меня из колеи. Наверное, потому, что мне никогда ничего даром не приходило в жизни, всего добивалась сама.

— Несколько дней назад Латвия объявила себя независимой...

— Думаю, что история определит, кто прав... Но мне кажется, если народ чего-то хочет, то может быть, не надо мешать ему, пусть попробует. — От чего хотелось бы избавиться в своем характере?

— От вспыльчивости. Правда, я быстро отхожу. Но все же хотела бы быть более уравновешенной.

— Чем увлекаетесь?

— Ну, во-первых, изучением английского языка. Но больше всего я люблю природу.

— Паулс на экране и в жизни — разные ли это люди?

— Мне трудно определить, я люблю людей, с которыми общаюсь, умею их прощать. Раймонд необычный человек, и все, присущие музыканту, плюсы и минусы в нем есть. Во время работы он дает полную волю, ничего как раз не требует абсолютно и ни на чем не настаивает. Можно его просить поменять все вплоть до мелодии, если она меня в чем-то не устраивает.

— Что вас больше всего сейчас волнует?

— Политика. Больше всего я боюсь, чтобы не пролилась кровь, боюсь гражданской войны. Это, конечно, самое страшное.

— Во время концерта вы отметили, что вам нравится петь дома и у нас, — говорили это из вежливости?

— Это была не дежурная любезность. Мне действительно было очень приятно выступать перед такой музыкальной и эмоциональной аудиторией, ужасно трудно бывает, когда поешь перед «замороженным» залом и не можешь понять, нравишься ты или нет. Здесь же реакция и в ту, и в другую сторону ощущается моментально. Это в одно и то же время и хорошо, и страшно. Чувствуешь огромную ответственность. Кроме того, когда у народа есть своя собственная культура, она постоянно во всем ощущается и производит сильное впечатление.

Люблю грузинские песни. Недавно довелось услышать пение вашего фольклорного ансамбля «Журналист». Какие голоса, исполнение потрясающее! Люблю слушать Нани Брегвадзе с ее неповторимым обаянием, Ингу Перадзе — с ее сильным голосом.

Очень рада, что мне довелось побывать в Тбилиси — городе, где живут удивительно добрые люди.

Инна СИХАРУЛИДЗЕ.